

ИГОРЬ ЕВДОКИМОВ

ДОКТОР ФАЛЬК
НОВОГОДНЕЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Игорь Евдокимов
Доктор Фальк.
Новогоднее расследование

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70221076
SelfPub; 2024*

Аннотация

Новогодний сочельник 1908 года. Невеста зазывает доктора Фалька, зануду и скептика, на спиритический сеанс. Ровно год назад во флигеле городской усадьбы произошло загадочное самоубийство и собравшиеся хотят вызвать дух погибшей невесты. Однако сеанс подкидывает больше загадок, чем ответов. И Василий Оттович опять оказывается в центре импровизированного расследования. До прихода полиции осталось 10 минут. Сумеет ли он раскрыть убийство?

Игорь Евдокимов Доктор Фальк. Новогоднее расследование

В короткую неделю между Рождеством и Новым годом Петербург преобразается. Особенно, если повезет с погодой! Не верите? Значит, вы никогда не гуляли по Невскому, освещенному праздничной иллюминацией. Не видели развевающихся на зимнем ветру флагов. Не любовались вензелями императорской фамилии, горящими на богатых домах, или пятиконечными звездами на макушках фонарей. Не со-

вершали новогодних визитов к друзьям и близким. Не колядовали в рождественскую ночь и не стояли на службе в соборе на следующее утро. Не качались на огромных корабельных качелях посреди праздничного балагана. Не вдыхали хвойный запах, проходя мимо еловых торгов у Аничкова дворца или в Екатерининском саду.

А уж что сказать про еду?! Какой столичный обыватель (соответствующего достатка, конечно же) обойдется без традиционного гуся или рябчика, купленного на Старом Щукинском дворе? Да зажаренного целиком, да на подносе, в окружении моченых яблок и квашенной капусты! А то и всамделишных ломтиков ананаса! Какой ребенок не получит в подарок козулю – маленький пряничек в форме диковинного зверя или птицы? Кто не подивится на витрины громадного Елисеевского магазина, выросшего недавно на Невском, к радости одних обывателей и негодованию других? Кое-кто ведь даже прозвал сие чудо архитектурной мысли всамделишным «монстром»! Но какая разница, если состоятельных господ ждут внутри испанские вина и прованское масло, индийский чай и арабийский кофе, жидкий бри и гранитный пармезан! А какие устрицы? Какова икра? Но что-то мы отвлеклись!

В этом году, как и любой уважающий себя житель столицы, в межпраздничных приготовлениях, после Рождества, но перед Новым годом, участвовал доктор Фальк. Что? Вы не знаете доктора Фалька (из тех Фальков, что держат лечеб-

ную практику и аптеку на Васильевском острове)? Что ж, давайте исправим это упущение! Вот он, задумчиво взирает на витрину гастронома Елисеевых. И, конечно же, ваше внимание привлекает не ананас под мышкой у нашего героя (хотя фрукт, безусловно, экзотический). Нет, взгляды приковывает сам Василий Оттович – высокий, с роскошными, геометрически-правильными усами, идеально зачесанными волосами и статью античного атланта. Такой уж точно выделится в толпе! Но охладим пыл наших читательниц женского пола – господин Фальк не одинок, его ждет дома невеста, очаровательная Лидия Шевалдина, существо сколь взбалмошное, столь и очаровательное. И обе черты ее характера сыграют немаловажную роль в начале нашей истории.

***

– Фальк, мы идем на спиритический сеанс! – заявила Лидия едва доктор переступил порог их квартиры, выходящей окнами на Большой проспект. Невеста завела привычку звать его по фамилии. Все-таки «Василий Оттович» – звучит длинно, официально и излишне торжественно. «Васенька»? Помилуйте, какой из Василия Оттовича «Васенька»? Сюда же отправляются просто «Вася», «Василий», «Васюлечка» и прочие производные. А вот Фальк... Фальк звучит гордо, благородно и универсально. За полгода Лидия полностью овладела умением вкладывать в звучную немецкую фамилию любые оттенки чувств, от игривой нежности до капризного недовольства. Сейчас тон был ультимативен и не споров не подразумевал.

Василий Оттович невозмутимо потопал ногами, сбрасы-

вая налипший снег, аккуратно поставил ананас на коридорную тумбочку, глубоко вздохнул и поинтересовался:

– А зачем мы туда идем?

– Затем, что там интересно! – безапелляционно сказала Лидия, но затем примирительно добавила: – А еще затем, что я была паинькой и высидела с тобой ужасающе скучный званый вечер у Неверова. И только попробуй сказать, что не согласен с тем, что он был именно ужасающе скучным!

Василий Оттович не стал даже пытаться, потому что невеста была права. Отставной товарищ прокурора Павел Сергеевич Неверов считал себя своего рода крестным отцом молодой пары, засвидетельствовав их знакомство в Зеленом луге в ходе расследования загадочного убийства тетушки Лидии. Даже по возвращении с дачи в Петербург он старался не терять связи с Фальком и Шевалдиной, поэтому зазвал их к себе на ужин после Рождества. Василий Оттович, человек спокойный временами до форменного занудства, ничего не имел против медленных и скучных вечеров, проводимых за вкусной едой, хорошим коньяком и ароматными сигарами, но собрание у Неверова, куда также были приглашены другие престарелые орлы петербургской юриспруденции, вышло и впрямь ужасающе унылым.

– Но почему сеанс? – попытался все же отбиться Фальк. – Почему не каток? Не опера? Не ресторан, хотя бы?

– Потому, что я провела вечер с твоими друзьями...

– Они не мои дру...

– С друзьями твоего друга, – не дала ему закончить Лидия. – А сеанс проводят уже мои подруги, Ксюша Миронова и Наташа Симонова. Для них это очень важно. А мне – очень любопытно. И, если честно, немного страшно, – уже тише призналась она. – Я очень хочу пойти, но без тебя это будет жутковато...

Василий Оттович бросил тоскливый взгляд на новогоднюю ель в углу теплой и мягко освященной комнаты, молча и мимолетно погоревал о несбывшихся планах провести вечер в любимом кресле, под пледом, с обязательной сигарой и рюмочкой хорошего французского коньяка – но, конечно же, растаял.

***

В Лештуков переулоч, место проведения сеанса, ехали на извозчике. Зима значительно сокращала время в пути из одной части столицы в другую – больше не надо было делать крюк через мост, когда можно просто пересечь замерзшую реку. А в январе обещали вновь выпустить на линию чудо прогресса – трамвайчик между Дворцовой и Университетской набережными, пути которого вмораживались прямо в невский лед. А пока приходилось отдавать предпочтение более традиционным видам транспорта. Лошадка бодро перебирала ногами, сани весело скрипели по засыпанному Петербург снежку. Погоду можно было бы счесть идиллической, если бы не налетевший ветер и ледяная крошка, внезапно начавшая сыпать с неба. Железному здоровью и закалке Василия Оттовича такие зимние курьезы не угрожали, а вот Лидия закуталась в теплую шубу и надвинула на лоб соболиную шапку. Рассказывать что-то в таком виде оказалось затруднительно, но Шевалдина все же попробовала.

Сеанс проводился во флигеле усадьбы, принадлежащей купчихе Екатерине Петровне Островской. Сам домишка всего за год успел обрасти мрачной славой. Даже газеты посвятили ему несколько статей, чего уж говорить о людской молве! А дело было вот в чем – аккуратно в канун прошлого Нового года во флигеле обнаружили тело Александры Симоновой, 21 года от роду, младшей дочери богатого фабриканта Аристарха Симонова. Девушка лежала на кровати, скру-

ченная предсмертной мукой. Из ее груди торчала рукоять кинжала. На прикроватном столике обнаружился обрывок бумаги, где девичьим почерком (несомненно принадлежащим покойной) было начертано: «Я не могу этого вынести!». Близкие Симоновой показали, что у той в последнее время возникли размолвки с горячо любимым женихом, Федором Григорьевым, отчего она и переехала во флигель Островской. Слуг в ночь своей смерти она отпустила, следов взлома и борьбы обнаружить не удалось. Полиция была только рада объявить гибель Александры самоубийством и закрыть дело.

Совсем другой версии придерживались сестра покойницы, Наталья Симонова, и их лучшая подруга Ксения Миронова. А так, как вторая росла барышней экзальтированной и впечатлительной, ей-то и пришла в голову идея – провести во флигеле спиритический сеанс и вызвать дух Александры в годовщину ее гибели. Она же нашла для этого идеального кандидата – мадам Дафну Жаме. Французская дама-медиум, якобы, успела наделать шуму в Петербурге, но Мироновой каким-то образом удалось «забронировать» говорящую с духами на один вечер. Флигель, как оказалось, так и стоял пустым весь год – к досаде купчихи Островской никто не горел желанием въезжать в дом самоубийцы!

В результате этим вечером в Лештуковом переулке решили собраться шестеро – Ксения, Наталья, Лидия (на правах общей подруги), Фальк (девушка объявила, что без жениха участвовать не будет, а врач по итогам сеанса им может еще

как пригодиться), Федор Григорьев и несравненная мадам Жаме.

По мере поездки рассказ невесты все-таки сделал то, чего не удалось достичь шквалистому ветру с колючим снегом – породистое лицо Василия Оттовича, обращенное к проносящейся мимо гранитной ограде реки Мойки, приобрело явно страдальческий вид.

***

Неприятности начались сразу же. Выйдя из саней, Лидия умудрилась найти единственную, слегка присыпанную свежим снегом, заледенелую лужу на всей улице. Девушка ойкнула, ее ноги взмыли вверх, и прежде, чем Фальк успел под-

хватить невесту, Шевалдина рухнула на землю. На крыльцо флигеля она вошла уже облепленная снегом, хромающая и крайне недовольная.

Внутри их ждали две девицы – одна трепетная, с белокурыми кудрями и мечтательными глазами (несомненно Ксения), вторая закутанная в черное, вся состоящая из прямых линий и острых углов (очевидно Наталья). Взгляды, которыми они одарили Василия Оттовича после того, как Лидия представила его, соответствовали внешности. Ксения смотрела восторженно-восхищенно, Наталья – насто-роженно-неприязненно. Фальк, как всегда, остался вежливо-непроницаем.

Флигель нес все следы дома, стоявшего необитаемым целый год – пыль, убранная в чехлы мебель, стылый холод (гости не стали раздеваться, а девушки даже осталась в перчатках) – и снова пыль, пыль, пыль повсюду. Освещение не зажигали – за исключением десятка свечек, расставленных по периметру гостиной и столовой. Естественно, на наряженную елку и накрытый праздничный стол рассчитывать не приходилось.

– А могли бы сидеть дома и вкушать гуся в ананасах, – как бы между делом шепнул Фальк на ухо невесте, за что удостоился тычка локтем.

– Мы не последние? – громко спросила Лидия.

– Нет, пока не приехали Федор и мадам Жаме, – ответила Ксения. – Ой, дорогая, ты хромаешь?

– Пустяки, пройдет, – отмахнулась Лидия. – Тут у усадьбы такой коварный лед...

– Да, год назад было так же, – мрачно заметила Наталья. – Я тоже на нем поскользнулась, когда... – она осеклась, словно ей не хватило дыхания, но затем твердо продолжила: – Когда услышала про несчастную Сашеньку.

От дверей раздался топот сапог и вскоре в вестибюль прошел молодой человек – высокий, стройный, с выразительными голубыми глазами. Очевидно, что некоторые дамы находили такую внешность неотразимой. Одет он был со вкусом, но опытный глаз доктора заметил, что его шуба и костюм выглядели несколько поношенными, словно у молодого человека не доставало денег на обновку.

– Федечка, ты пришел! – обрадовано воскликнула Ксения.

– Конечно! Сашенька была мне дорога, я не мог упустить возможность в последний раз услышать ее голос! – порывисто воскликнул Григорьев. Как показалось Фальку – довольно фальшиво. Фыркнув себе под нос, он отправился осматривать единственные освещенные комнаты. Он обратил внимание на дверь, ведущую из гостиной. Над ней висел венок засохших цветов, готовый рассыпаться в пыль.

– Там лестница в комнаты второго этажа, – сказал тихий голос за спиной. Другой на месте Василия Оттовича содрогнулся бы от внезапного ужаса, но доктор, привыкший к внезапным явлениям своей кухарки, Клотильды Генриховны, не повел и бровью.

– Там и нашли Александру? – повернувшись, спросил Фальк у Натальи.

– Да, – кивнула мрачная девушка.

– И вы действительно рассчитываете сегодня услышать голос ее духа? – полюбопытствовал доктор.

– Я рассчитываю сегодня услышать правду, – просто ответила Симонова.

Вновь стукнула входная дверь. В прихожей возникла закутанная в шаль женщина, внешне напоминающая человекоподобного прямоходящего стервятника. Она остановилась, втянула носом воздух и прокаркала:

– Горе! Горе! Чую, горе витающее над этим домом!

– Мадам Жаме! – воскликнула метнувшаяся ей на встречу Ксения.

– Да! Да! Я пришла, драгоценное дитя мое! – объявила медиум. Она выставила перед собой руку и начала водить ею из стороны в сторону, словно на ее ладони внезапно открылся зрячий глаз. – Духи! Кругом духи! Я слышу их голоса! Духи, ответьте мне!

Из гостиной донеслась одинокая басовитая нота, будто кто-то нажал на клавишу нижней октавы расстроенного пианино.

***

Ужас, поначалу охвативший всех в прихожей (включая, если судить по выпученным глазам, мадам Жаме), сменился раздражением, когда за одной нотой последовала следующая, складываясь в знакомый мотив. До-фа-фа-фа, соль-ля-ля-ля. А затем хорошо поставленный голос печально пропел:

– *O Tannenbaum, o Tannenbaum, wie treu sind deine Blätter!*

– Прошу меня извинить на секундочку, – покраснела Лидия и вышла из прихожей.

Перед пианино с глубокомысленным видом стоял Василий Отгович, явно примеряясь к тому, чтобы продолжить вечер традиционных немецких рождественских песен.

– Если ты немедленно не прекратишь, то, клянусь, сегодня ночью в этом доме найдут еще одного покойника! – рассерженно прошипела Лидия.

– Пара минут такого театра – и я сам скончаюсь, – вполголоса пообещал Фальк. – Ты хоть слышала ее? Хоре, хоре, драгоценная, крухом духи! Предположу, что сей чудный прононс очень характерен для знаменитого города Полтава́ малофранцузской провинции.

Несмотря на кипящий внутри гнев Лидия не выдержала и тихонько хохотнула, но быстро пришла в себя:

– Да, согласна, медиум не внушает доверия. Но я здесь для того, чтобы поддержать подруг! Дорогих мне, между прочим, людей. А ты ведешь себя, как испорченный ребенок! Никогда тебя таким не видела, право слово! Пожалуйста, прояви свою немецкую стойкость и тактичность, и потерпи часок. В конце концов, я была вынуждена полвечера выслушивать дискуссию о дозволенных статьей 149 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» вольностях при выборе отданного на усмотрение суда...

– Не продолжай! – взмолился Василий Оттович, внутренне содрогнувшись. – Я постараюсь сдержаться.

Они вернулись в прихожую, где стояли Ксения и Наталья.

– А куда подевались Федор и медиум? – спросила Лидия.

– Мадам Жаме сказала, что проводить сеанс удобнее в столовой и попросила Федю помочь ей с расстановкой, – ответила Ксения.

– Может, стоит им помочь? – вызвался Фальк, бросив на Лидию взгляд, говорящий: «Смотри, я стараюсь!».

Он шагнул в столовую, где Григорьев и псевдофранцузен-

ка о чем-то раздраженно шептались в углу.

– Уговор был другим! – шипел Федор.

– Был, а теперь я меняю его. И стоять это будет дороже... – мадам Жаме увидела входящего доктора и резко замолчала.

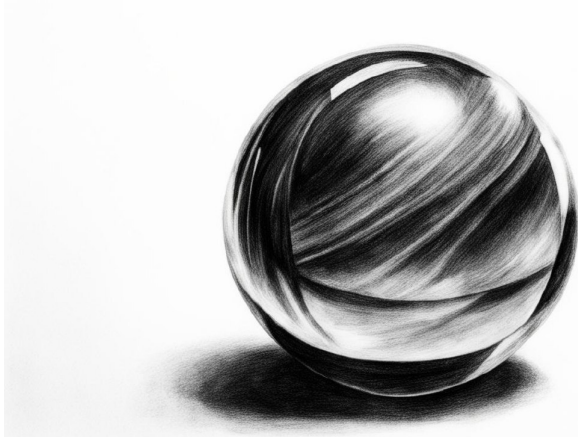
– Я хотел спросить, не нужна ли вам моя помощь? – чуть смущенно произнес Фальк.

– Да, конечно, драгоценное дитя! Здешний стол слишком большой. Помоги сему чаду сдвинуть его и принеси круглый кофейный столик из гостиной, – распорядилась Дафна, продолжая терзать уши доктора малороссийским «гэканьем».

– А почему бы нам не провести сеанс там и ничего никуда не таскать? – поинтересовался Василий Оттович.

– Потому, шо духи так сказали! – отрезала медиум.

***

Наконец все было готово. Шестеро участников ритуала, изрядно потеснившись, заняли места вокруг кофейного столика и взялись за руки. Посередине, между ними, мадам Жаме установила хрустальный шар. Взгляды почти всех присутствующих были прикованы именно к нему. Ксения смотрела с благоговением, Наталья – упрямо, чуть сощурившись, Лидия – с любопытством, а Федор, казалось, витает где-то в своих мыслях, загипнотизированный молочно-белым туманом внутри. Наблюдения эти смог сделать единственный человек, которого шар не интересовал – Василий Оттович. На его лице, обыкновенно спокойном и вежливо-бесстрастным, сейчас отражалась вся гамма чувств, вызванных участием в настолько глупой затее, от насмешливого интереса до трагического осознания глубины падения современных нравов.

Конечно же более других его внимание привлекала мадам Жаме. Она кряхтела словно двигатель одного из новомодных автомобилей, а напряженное выражение ее лица с глазами навывкате невольно напомнили Фальку о пациентах, страдающих от хронической констипации.

– Назовите имя! Имя усопшей, с коей вы хотите вступить в контакт! – потребовала медиум после пары минут скрипения, но прежде, чем Ксения успела открыть рот, прервала ее. – Нет, не нужно, уже не нужно, духи подсказывают мне! Ее зовут Александра! Александра! Дух Александры, явись нам!

Присутствующим показалось, что при этих словах тени еще больше сгустились в и без того плохо освещаемой трепетным пламенем свечей кухне. Всем, кроме Фалька, который продолжал взирать на представление с ужасом совсем иного порядка, а левая бровь его неумолимо и скептически ползла вверх.

– Да-а-а-а-а, – прохрипела тем временем мадам Жаме. – Я зде-е-е-е-есь! Мука-а-а-а! Мука-а-а! Мука бедного сердца, пронзенного кинжалом тяготит меня!

Фальк увидел, как метнулся к медиуму взгляд Федора. Видимо, как и Василий Оттович, он недоумевал, почему призрак любимой женщины тоже обрел явно не свойственный ей при жизни акцент.

– Вопросы! Задавайте вопросы! – снова сказала своим обычным голосом Дафна.

– Мадам, что с вами? Вы слышите нас? – тревожно спросила в повисшей тишине Ксения.

– Конечно же с ней все хорошо. Все она слышит, – процедила Наталья.

В этот момент от входной двери раздалось металлическое позвякивание, а в замочной скважине заскрежетал подбираемый ключ.

– О, нет! – приглушенно взвизгнула Ксения. – Тушите свечи! Прячьтесь!

– Что? Почему? – недоуменно воззрился на нее Фальк.

– Потому, что мы тут собрались не совсем легально, – пояснила Миронова, судорожно задувая свечи. – Бежим! Нас не должны видеть!

И подала пример, метнувшись в гостиную. Поддавшись всеобщей панике, гости последовали за ней. Поразительную прыткость проявила даже внезапно восставшая мадам Жаме. Лишь Лидия отличилась оригинальностью и спряталась за массивным кухонным сервантом, активно жестикулируя, чтобы Фальк последовал за ней. Однако Василий Оттович счел бегство ниже своего достоинства и остался спокойно сидеть за столиком в ожидании визитеров.

***

Ключ наконец подошел. Дверь распахнулась и в темную прихожую протиснулась обширных размеров фигура.

– Чей-то свечками горелыми тянет... – произнес женский голос. – Батюшка, чего вы там топчитесь, осветили бы!

Следом вошел гигантских размеров священник с керосинкой в руках. Лампа дала достаточно света, чтобы новые посетители разглядели Фалька, сидящего за кофейным столиком. Прежде, чем из женского горла вырвался громкий крик «Караул, грабят!» (а Василий Оттович был уверен, что именно эту фразу. намеревалась озвучить гостья, открыв могучий рот), доктор вежливо сказал:

– Добрый вечер! Проходите, пожалуйста.

То ли от наглости, то ли от неожиданности – но женщина несколько раз молча открыла и закрыла рот, но ни одного

внятного слова так и не произнесла. Вместо нее в разговор басовито вступил священник:

– Ты почто квартирную хозяйку пугаешь, ирод?

– Квартирную хозяйку? – обрадовался Фальк. – Так вот кто виноват в том, что моя невеста чуть не вывихнула лодыжку на льду!

– Так дворник же опять запил, окаянный! – оправдывающимся тоном начала женщина. – И так каждую зиму! Все жалуются! А я чего сделаю?

Она внезапно замолчала, а потом подозрительно спросила:

– Так, а вы, собственно, кто? И что здесь делаете?

– Позвольте представиться: доктор Фальк, Василий Оттович, – он привстал и приветственно склонил голову. – А вы?..

– Екатерина Петровна Островская, – заявила квартирная хозяйка. – А это отец Нафанаил.

– Святой отец, – Фальк уважительно прижал руку к сердцу. – А касательно второго вашего вопроса, то был приглашен сюда на спиритический сеанс, будучи в полной уверенности, что ваше дозволение на него получено...

– Сеанс?! У меня?! – прорычала Островская. Далее слова оставили ее и она огоршено повернулась к Нафанаилу.

– Проклянуну! – пообещал священник.

– Дамы, право слово! – позвал Василий Оттович. – Перестаньте вести себя, как нашкодившие дети. Имейте смелость признаться!

Раздались робкие шаги и из гостиной появилась Ксения. Выглядела она точь-в-точь как гимназистка, вызванная отвечать перед грозным директором.

– Здравствуйте, Екатерина Петровна, – тихо произнесла она.

– Ты! – вскричала Островская. – Так и знала! Я ж тебе сказала, что не позволю бесовщиной заниматься в моем доме! Ни за какие деньги! Да я... Да я, знаешь что?!

– Проклянү, – веско вставил Нафанаил.

– Простите, Екатерина Петровна, но это правда невероятно важно для меня... – попыталась оправдаться Ксения.

– И слышать не хочу! Кыш! Вон из моего дома, пока я полицию не позвала! Сколько вас тут?

– Шестеро, – ответила Миронова. Из гостиной за ней выступили Наталья и мадам Жаме. Лидия показалась из-за серванта и сделала неловкий книксен.

– Вижу пятерых! – констатировала Островская. – Где шестая?

– Шестой, – поправил ее Фальк. – Действительно, где Федор?

Гости огляделись, но Григорьева рядом с ними не оказалось.

– Феденька? Где ты? Идем, нам нужно срочно уходить?

«Пока не прокляли», подумал Фальк, покосившись на отца Нафанаила. Вопреки ожиданиям, Федор не откликнулся и не объявился.

– Может, он на втором этаже? – предположила Лидия. – И просто не слышит нас?

– Зачем его туда понесло? – проворчала Островская. – Там же эта полоумная...

– Екатерина, окстись! – пробасил священник. Сделал он это вовремя. Еще немного, и квартирная хозяйка могла ляпнуть что-то такое, за что Наталья явно готова была отвесить ей пощечину.

– Екатерина Петровна, разрешите подняться и поискать нашего спутника? – вежливо осведомился Василий Оттович.

– Давайте, только быстро! Нет у меня времени с вами возиться! – махнула рукой Островская.

– Кстати, действительно, а что привело вас сюда вечером, да еще и вместе со святым отцом? – поинтересовался Фальк.

– Освящать флигель будем! С тех пор, как... – Островская опасливо глянула на Наталью и вовремя осеклась. – В общем, уж год, как никто не хочет сюда вселяться. Боятся, мол дом нехорошим стал. Вот и позвала отца Нафанаила, чтоб флигель освятил. А там, глядишь, и слухи развеются.

– Понятно, здоровое деловое решение, – одобрил Фальк и обернулся к женщинам. – Идемте?

Они открыли дверь с истлевшим венком и проследовали по узкой скрипучей лестнице вверх. Девушки шли за держащим свечу Фальком гуськом, словно птенцы за мамой-уткой. В коридоре второго этажа Григорьева не оказалось.

– Федор! – требовательно позвала Наталья.

– Феденька! – вторила ей Ксения.

Однако молодой человек не отзывался. Они распахнули несколько дверей, но в комнатах его тоже не оказалось. Осталась самая последняя, в конце коридора.

– Спальня, – прошептала Ксения.

– Что, та самая? – испуганно спросила Лидия. Подруга лишь кивнула. Они нерешительно остановились.

– Ой, дурехи! – фыркнула Наталья. – Идемте, Василий Оттович, посмотрим. Хотя этот прохвост, скорее всего, выскочил с испугу в окно!

Они подошли к спальне и открыли дверь. Заглянув внутрь, Наталья охнула и отступила, прижав ладони ко рту. Василий Оттович проявил большее самообладание, но тоже не нашелся с репликой.

Прохвост все-таки не выскочил с испугу в окно. Федор Григорьев лежал на кровати.

Из груди у него торчала рукоять кинжала.

***

– Феденька, Боже мой! – взвизгнула Ксения и попыталась рвануться к кровати, однако Василий Отгович удержал ее, мягко, но уверенно.

– Подождите, лучше сейчас ничего не трогать, – попросил доктор.

– Но почему?! А вдруг ему нужна помощь?! – запротестовала Миронова, утирая слезы.

– Поверьте, помощь ему уже не нужна, – сказал Фальк. – И так получилось, что у меня есть некоторый опыт общения с полицией. В случае насильственной смерти рекомендуется оставить все в неприкосновенности.

– Насильственной? – спросила Лидия. – Ведь это очень похоже на...

– Пугающе похоже на то, как умерла Саша, – тихо поддер-

жала ее Наталья. – Может, это самоубийство?

– Как?! Как вы можете так спокойно это утверждать?! – вскричала Ксения. – Бедный Феденька...

– Вот, значит, как? – неприязненно уставилась на нее Наталья. – У меня, конечно, были подозрения, но теперь я абсолютно в этом уверена! Он и тебя окрутил!

– Кто? Кого? – переводила удивленный взгляд с подруги на подругу Лидия.

– Думаю, Наталья пытается сказать, что у Ксении были близкие отношения с Федором, – пояснил Василий Оттович. – Присмотри за подругами, пожалуйста. Мне нужно осмотреть тело.

– Да! – тем временем воскликнула заплаканная Ксения. – Да, мы были вместе! И хотели пожениться, когда придет срок и можно будет это сделать без завистливых взглядов людей, вроде тебя!

– Вроде меня?! – вспыхнула Наталья. – Ксюша, он был обручен с Сашей! Твоей подругой, между прочим!

– Да! – запальчиво вскрикнула Миронова. – Но она сама решила разорвать помолвку! Ты не представляешь, как она себя с ним вела! Она его воспринимала как... Как... Собачонку! Давала несколько рублей в день на пропитание! Отдаляла от себя!

– А знаешь, почему?! – крикнула в ответ Наталья.

– Так, чего раскричались?! Что тут у вас происходит?! – добавил ко всеобщей женской какофонии могучий голос

Екатерины Петровны. Квартирная хозяйка безапелляционно раздвинула ссорящихся подруг и встала в дверях спальни. При виде тела на кровати ее глаза расширились.

– Господи Иисусе! – выдохнула Островская и с громоподобным грохотом упала в обморок.

– Только этого еще не хватало! – проворчал Фальк.

– Кто тут поминает всуе? Прокляну! – пробасил отец Нафанаил, поднявшийся на второй этаж. – Вы что с Екатериной Петровной сотворили?

– Ничего! Она сама – бум! – и все! – художественно изобразила обстоятельства падения Лидия.

– А с этим отроком чего? – оторопело уставился священник на труп Григорьева.

– Колотая рана, очевидно, – озвучил и без того ясный диагноз Фальк. – Наталья, можно вас на секунду?

Симонова в очередной раз показала, что сделана совсем из иного теста, нежели ее подруга. Несмотря на испуганный вид, она решительно переступила порог и подошла к доктору. Василий Оттович указал на прикроватный столик с обгорелой свечей:

– Кажется, это записка. Узнаете почерк? Нет, нет! – он остановил руку девушки, потянувшуюся к обрывку бумаги. – Не трогайте руками, просто посмотрите, пожалуйста.

Симонова нагнулась над столиком, присмотрелась к находке – и отшатнулась:

– Это... Это... *Ее почерк!*

– Чей?! – Лидия, как всегда, когда ей что-то было любопытно, приподнялась на цыпочках, вытянула шею и попыталась разглядеть, о чем идет речь.

– Саши, – выдохнула Наталья.

– На обрывке бумаги женским почерком, пострадавшим, похоже, от воды, написано: «Будь ты проклят!», – сухим канцелярским тоном судебного медика сообщил Фальк.

– Ду-у-у-у-ух-и-и-и-и! – просипела из коридора всеми забытая мадам Жаме.

Установился какой-то невообразимый бардак. Все начали говорить одновременно и на повышенных тонах. Ксения заламывала руки. Лидия пыталась ее успокоить. Наталья пятилась к выходу. Мадам Жаме опять поминала духов. Отец Нафанаил басовито требовал, чтобы ему объяснили, что вообще здесь происходит. Кто-то должен был взять на себя роль голоса здравого смысла и остановить всеобщую истерику. Этим «кем-то», конечно же, оказался Василий Оттович.

– Тихо! – рявкнул он, перекрыв всеобщий гомон. Как ни странно, это подействовало. Все мгновенно замолчали и застыли на своих местах. Фальк удовлетворенно кивнул: – В соседней комнате я видел диван и несколько кресел. Давайте переместимся туда и успокоимся. Батюшка, мне потребуется ваша помощь. Боюсь, я не смогу в одиночку доставить туда Екатерину Петровну. Нужно привести ее в чувство.

Общими усилиями им удалось это сделать. Фальк сбегал на кухню, нашел на кухне запылившуюся бутылку с уксусом,

вернулся на второй этаж и сунул ее под нос Островской. Та втянула резкий запах, зафырчала и очнулась.

– Так, одной проблемой меньше, – утомленно констатировал Фальк. – Вернемся к более насущным вопросам. Отец Нафанаил, попрошу вас выйти на улицу и найти городского. На Загородном проспекте или на набережной точно будет хотя бы один. Пусть сообщит в полицейскую часть, а сам прибудет сюда для охраны места преступления. Все понятно?

– Да, – пробасил священник.

– Отлично. И, пожалуйста, постарайтесь никого не при-
дать анафеме по дороге! – попросил напоследок Василий От-
тович.

– Место преступления? – удивленно спросила Лидия. –
Какого преступления? Разве это не самоубийство?

– Это ду-у-у-у-ух-и-и-и-и! – завела старую шарманку ма-
дам Жаме.

– Нет, это не ду-у-у-у-ух-и-и-и! – раздраженно рявкнул
Фальк, которого весь этот спектакль порядочно разозлил. –
И – нет, дорогая, это не самоубийство. Вопреки тому, что
показывают на сцене театров, заколоться кинжалом в серд-
це куда сложнее, чем это может показаться. Особенно, под
таким углом.

– Какой ужас! – всхлипнула Ксения.

– Боюсь, все куда страшнее, чем вы можете себе пред-
ставить, – продолжил Фальк. – Как вы понимаете, в при-

зрак мстительной невесты-самоубийцы я не верю. Во время осмотра второго этажа я не нашел ни единого открытого окна. И мимо нас с Екатериной Петровной и отцом Нафанаилом никто не прокрадывался. А это означает, что Федор Григорьев не просто убит. Он убит кем-то из здесь присутствующих.

***

Василий Отгович ожидал, что это его заявление вызовет очередной взрыв всеобщей истерики. Вместо этого присутствующие, как загипнотизированные, продолжили молча смотреть на доктора. Слегка смущенный вниманием, Фальк машинально запустил пятерню в волосы, которые художе-

ственно растрепались (незаметно придав ему обаяния), и решил продолжить:

– Так уж получилось, что я могу быть уверен в невинности Екатерины Петровны и отца Нафанаила – они вошли на первый этаж у меня на глазах. Также вне подозрений Лидия. Не потому, что она моя невеста, конечно же, а потому, что спряталась на кухне и не могла попасть оттуда на второй этаж.

– Ну, спасибо! – саркастически заметила Лидия.

– Вынужден быть объективным, – пожал плечами Василий Оттович. – Четверо людей побежали в гостиную, откуда лестница ведет на второй этаж. Одного нашли убитым. Поэтому, думаю, вы понимаете, отчего у меня и, как вы понимаете, у полиции, будут трое подозреваемых. Со столичными служителями правопорядка я дел, к счастью, не имел, но, в силу некоторого опыта общения с другими полицейскими и прокурорскими работниками, должен заметить, что чистосердечное признание облегчает участь преступника. А посему, пока мы здесь сидим и ждем городского, я бы предложил убийце сознаться и передать себя в руки сыщиков.

Сам Фальк счел тираду аргументированной и убедительной, а потому несколько расстроился, когда Ксения, Наталья и мадам Жаме промолчали. Вместо них вдруг подала голос Екатерина Петровна.

– А я, кажется, видела того мальчика, что зарезанным лежит.

– Уверены? – с интересом спросил Фальк.

– Можете мне не верить, но память на лица у меня отменная, – гордо ответила Островская. – При моем роде занятий это крайне нужная вещь. А то поставишь правило «Никаких гостей, особенно мужского пола», а некоторые как поведутся шастать...

– И что же, он здесь шастал? – уточнил Василий Оттович.

– Нет, он не шастал, – отрезала Екатерина Петровна. – Но я его видела ровно год назад. Столкнулась здесь, у главного дома. Он, ведь, тоже на льду поскользнулся тогда. Я уж думала, сейчас жаловаться пойдет, ан нет – вскочил и поспешил прочь.

– Очень любопытная деталь, – сказал Фальк. – И что же, вы говорили об этом полиции?

– Какой полиции, молодой человек, что вы? Они меня не особо-то и расспрашивали тогда!

– В таком случае дело принимает крайне интересный оборот, – задумчиво произнес Фальк.

– Почему мне кажется, что у тебя уже есть своя гипотеза о произошедшем? – поинтересовалась Лидия.

– Потому, что так оно и есть, – просто признал Василий Оттович. – Если желаете, я даже могу ее озвучить, пока мы ожидаем отца Нафанаила с полицией.

– Я, вот, желаю! – подала голос квартирная хозяйка.

– Это дело вас вообще не касается, – проявила необычную для себя резкость Ксения.

– Еще как касается, милочка! – вскинулась Екатерина Петровна. – Коль злодея быстро поймают, то я смогу быстренько освятить флигель и заявить, что все слухи про проклятия самоубийцы и призраков – это просто грязные навелты завистников!

– Если возражений нет – тогда прошу внимания, – Фальк оглядел собравшихся и начал. – Для начала необходимо уточнить, что все мои умозаключения, за редким исключением, являются домыслами. Прошу простить мне эту вольность. Но у меня на руках достаточно свидетельств, чтобы выстроить гипотетическую картину произошедшего. Вернемся к самому началу – трагедии, что собрала нас здесь. Смерти, что была объявлена самоубийством на основании оставленной записки и косвенных свидетельств. Согласитесь, полиции гораздо проще списать смерть на трагическую случайность. Не знаю, каково было первоначальное заключение судебного медика, но, как я могу засвидетельствовать сейчас, гибель Федора Григорьева, несущая очевидное сходство с происшествием годичной давности, самоубийством не является. А посему – что, если Александра также была убита? В этом случае сегодняшний спиритический сеанс играет совсем другими красками. Особенно, учитывая личность нашего медиума.

– А что не так? – обиделась Дафна.

– Следует признать, что я абсолютно несведущ в спиритическом мире Петербурга, но одно могу сказать точно – вы,

сударыня, не смогли бы обмануть даже самого наивного простака, который жаждет быть обманутым. Не знаю, существует ли на самом деле мадам Жаме, но вы точно ею не являетесь.

– Она точно существует! – заявила Ксения. – Ее рекомендовали исключительно сведущие люди!

– И они свели вас лично? – уточнил Фальк.

– Эм... Нет, – растерянно признала Миронова. – Я попросила слуг найти ее адрес и отнести ей письмо.

– В таком случае, можно с уверенностью утверждать, что настоящая мадам Жаме ваше письмо не получила, и вместо нее на сеанс явилась самозванка.

– Но зачем ей это? – удивилась Лидия. – Неужели... Неужели, чтобы убить Федора?

– Тьфу на тебя! – воскликнула лже-медиум. – Еще не хватало грех на душу брать!

– Отец Нафанаил бы оценил, – поддержал ее Василий Оттович. – Нет, думаю, Федор ей нужен был живым. А что до вопроса «зачем?» – мадам... Не знаю, как вас там на самом деле...

– Людмила Николаевна мы, – солидно отозвалась недавняя француженка.

– Допустим, – согласился Фальк. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но речь сейчас идет не о случайной путанице, которой вы решили воспользоваться? Вас пригласили сознательно, сказали, какую роль необходимо сыграть, и, самое

главное, что должны сказать ваши ду-у-у-у-ух-и-и-и-и.

– Допустим, – буркнула Людмила Николаевна, воспользовавшись словечком доктора.

– Какая низость! – воскликнула Ксения.

– О, это еще пока не низость, – оптимистично пообещал Фальк. – Низости начинаются дальше. Опять же, это мое предположение, но, учитывая обстоятельства, думаю, что в ходе сеанса мадам Жаме должна была сообщить, что смерть Александры не была самоубийством. И назвать имя настоящего злоумышленника.

– С чего вы взяли? – спросила его Наталья.

– Во время подготовки к сеансу я случайно стал свидетелем разговора между Людмилой Николаевной и Федором. Лже-медиум заявила ему, что сумма их договора изменилась. Это уже показалось мне подозрительным, но после смерти господина Григорьева я взглянул на разговор по-другому.

– То есть, Федор нанял лже-медиума? – спросила Лидия.

– Нет, думаю, это лже-медиум, услышав свое задание, подумала, что может неплохо подзаработать, взяв деньги как с нанимателя, так и с господина Григорьева, – усмехнулся Фальк. – Выдающаяся коммерческая жилка, снимаю шляпу. Ведь согласно изначальной договоренности вы должны были заявить, что именно Федор убил Александру, не так ли?

– Что?! – ужаснулась Ксения.

– Все равно вы ничего не докажете, – огрызнулась Люд-

мила Николаевна.

– Доказывать будет полиция, сударыня, – отмахнулся Василий Оттович. – Они уж точно будут тщательно опрашивать свидетелей. И, возможно, один из них подтвердит, что видел вас с господином Григорьевым, которому вы сообщили о планах вашего нанимателя. Вы хотели получить с Федора круглую сумму за молчание, но он оказался изобретательнее.

– И придумал собственный сценарий сеанса! – радостно угадала Лидия.

– Именно, – подтвердил Фальк. – Лже-мадам пожадничала в последний момент и повысила сумму, но, видимо, Федор на нее согласился. Ведь если сеанс прошел так, как он задумал, в его распоряжении вскоре могли оказаться значительные суммы, принадлежащие его новой невесте. Ксении Мироновой. Это был бы брак, благословлённый их общей подругой с того света!

– Нет! Феденька не мог на такое пойти! – отчаянно воскликнула Ксения. – Он любил меня!

– Предположу, что он любил ваши деньги, – грустно сказал Василий Оттович. – Так же, как и деньги Александры до этого. По крайней мере, именно так считает ее сестра. И, вероятно, убийца Федора Григорьева. Правда, Наталья Аристарховна?

***

Взгляды всех собравшихся моментально обратились к Симоновой. Наталья же недоуменно пожала плечами:

– Не понимаю ажиотажа. Чего уж тут скрывать, я считала Федора мошенником и прохиндеем. И до сих пор недоумеваю, как кто-то мог не разглядеть его двуличную натуру. Но если вы утверждаете, что я убила его, то, надеюсь, у вас есть веские доказательства.

– Повторюсь, доказательствами будет заниматься полиция, – отмахнулся Фальк. – Уж простите, но в данный момент у вас наиболее веский мотив для убийства. И, зная это, первый вопрос, который вам зададут господа сыщики, будет звучать так: где ваши перчатки?

– Что? – опешила Симонова.

– Ну, как же, в доме ведь очень холодно, – пояснил Василий Оттович. – Я обратил внимание, что на протяжении всего вечера дамы не снимали перчатки. И у Лидии с Ксенией они до сих пор на месте. А ваши исчезли после того, как вы вернулись в столовую. Где же они?

– Я... Должно быть машинально сняла и бросила где-то...

– Несмотря на холод?

– Уж поверьте, к холоду я привычная, – фыркнула Наталья.

– Что ж, предположим, я вам поверю, – великодушно заметил Фальк. – И даже не буду предполагать, что вы постарались спрятать перчатки где-то в доме потому, что на них кровь Федора Григорьева, которому вы вонзили кинжал в сердце, чтобы отомстить за свою сестру. Но полиция, безусловно, обыщет флигель и начнет задавать неудобные вопросы.

– Это же чушь какая-то! – возмутилась Ксения. – Зачем Наташе убивать Федю? И, тем более, зачем ему убивать Сашеньку?

– Так вы же сами сказали! – повернулся к ней доктор. – Она разорвала помолвку. Отдала его от себя. Перестала давать деньги. Потому, что поняла – Федор хотел жениться на ней только ради богатства ее отца. Как, собственно, и на вас.

– Он даже меня окрутить пытался, – мрачно добавила Наталья. – Две одиноких души, потерявших дорого человека...

Вот только я уже все знала!

– Уверены, что хотите продолжать? – тихо спросил ее Фальк.

– Как вы справедливо заметили, доктор, дело полиции – доказать, что вы правы, – Наталья зловеще улыбнулась, и эта улыбка на мгновение сделала ее угловатое лицо жутковато-красивым. – А пока мы можем обсудить, безусловно, гипотетические умозаключения, не так ли?

– Конечно, – согласился Василий Оттович. – Возможно, ваша гипотеза сможет объяснить, откуда взялись столь странные записки?

– Возможно, – пожала плечами Наталья. – Положим, некая девушка узнала, что ее жениха интересуется в ней только приданое. А сам молодой человек ухлестывает за более доступными барышнями направо-налево, играет в карты и посещает сомнительные трактиры с друзьями. Для девушки это стало большим ударом. И она рассказала о предательстве старшей сестре. Рассказала о том, что разрывает помолвку, переезжает из дома, где они планировали жить, и пишет жениху прощальное письмо. В котором есть, например, фразы «Я не могу этого вынести» и «Будь ты проклят!». А потом, после смерти девушки, ее сестра, поскользнувшись на льду у дома, где лежит тело несчастной, натывается в сугробе на мокрый конверт, где лежит изорванное письмо. В котором отчего-то не хватает именно первой фразы, что так удобно легла на прикроватный столик.

– А, как мы теперь знаем, жениха гипотетической девушки видела у дома квартирная хозяйка. Он упал на том же месте. И из его кармана, возможно, выпало письмо.

– Все возможно, – сказала Наталья. – Прошел год. Сестра аккуратно подвела их общую подругу к идее «спиритического сеанса», чтобы разоблачить преступника и взглянуть ему в глаза. Но когда поняла, что убийца не испытывает ни малейших угрызений совести, да еще и планирует выйти сухим из воды... С ней что-то произошло. И когда представился момент – она не раздумывала.

Сказав это, она умолкла.

– Какая невероятная история, – нарушила повисшее молчание Екатерина Петровна.

– А главное – неправдоподобная! – протянула Лидия.

– Абсолютно, – поддержал ее Фальк. – Чтобы наша гипотетическая история оказалось правдой лже-медиуму потребуются подтвердить, что именно Наталья наняла ее для того, чтобы сыграть роль мадам Жаме. А полиции – найти окровавленные перчатки.

На первом этаже хлопнула дверь. По лестнице затопали могучие шаги.

– Удастся ли? – тихо спросил Фальк.

***

Возвращались домой глубоко за полночь. Полиция долго и утомительно опрашивала свидетелей, записывала адреса, искала извозчиков, готовых в столь поздний час развезти всех по домам. Первой уехала Екатерина Петровна, за ней – Ксения, потом отпустили Фалька и Лидию. Лже-мадам и Наталью, видимо, рассчитывали продержат до утра.

Ехали молча. В том же молчании поднялись к себе в квартиру. Лидия отправилась спать, а Фальк, несмотря на поздний час, уселся в любимое кресло, накрылся пледом, зажег читальную лампу, плеснул себе коньяку на палец и раскурил сигару. В глубокой задумчивости он просидел так почти полчаса, пока тихонько не скрипнула дверь в кабинет.

Лидия, шлепая босыми ногами, подошла к креслу и попросила:

– Подвинься.

Василий Оттович спорить не стал – старое кресло было достаточно большим, чтобы в нем разместились двое. Хотя и потеснившись. Доктор накинул плед на плечи невесты и нежно приобнял ее.

– Фальк, – через какое-то время тихонько сказала Лидия. – Почему вокруг тебя постоянно происходят преступления? Ты их притягиваешь что ли, как магнит?

– Несправедливое замечание, – ответил Василий Оттович. – Если бы ты не настаивала на том, чтобы мы поехали на этот несчастный сеанс, то мы бы спокойно сидели дома, ели гуся и радовались красивому снегопаду за окном.

– То есть по-твоему, в этом виновата я?

– Как минимум сегодня – возможно, – признал Фальк, за что получил ощутимый тычок в бок.

– Как думаешь, что будет с Наташей? – спросила Лидия.

– Не знаю, – пожал плечами доктор. – Зависит от того, захочет ли она признаться, и от улик, которые смогут найти сыщики. Ее отец, безусловно, наймет хорошего адвоката. Если дойдет до суда, то присяжные будут в восторге от истории мести. Они такое только в новостях из Италии слышали. Думаю, для твоей подруги в результате все закончится хорошо.

– Жалко ее...

– Да, немного, – согласился Фальк. – Но кто ей мешал пойти со своими подозрениями в полицию? Опять же, Симоновы – не последняя семья в Петербурге, ее бы послушали. Но

вместо этого она год вынашивала сложный план. И эта ее фраза, про «что-то произошло», про то, что она «воспользовалась моментом»... Нет, Лидия, я не верю, что ей просто попался под руку старинный кинжал. Он все это время был при ней. Как и обрывок записки с надписью «Будь ты проклят». А значит, она с самого начала допускала, что убьет Григорьева этим вечером. Так что не стоит ее жалеть слишком уж сильно, – он подумал и добавил. – И, все-таки, прошу заметить, что среди моих друзей, какими бы скучными они ни были, нет ни одного убийцы.

– Ты не можешь быть в этом полностью уверен, – фыркнула Лидия. – И вообще, Фальк. Ты точно со мной не из-за приданого?

– Нет, ради одного только приданого я бы на спиритический сеанс не поехал. Приходится признать, что я тебя просто люблю.

– Я тебя тоже, – Лидия поцеловала его в щеку и засопела. Василий Оттович попытался было устроиться поудобнее, но понял, что все усилия тщетны, а будить невесту он не собирался. Поэтому, тяжело вздохнув, призвал на помощь всю фамильную самодисциплину в надежде уснуть, пусть и в крайне неудобной позе.

Чего не сделаешь, ради любви...

От автора

Этот рассказ я загружаю на «Литрес» 31 декабря 2023 года. Когда вы его прочтете – вопрос, знаете ли, открытый, поэтому мои поздравления с Новым годом и Рождеством вполне могут оказаться сильно запоздавшими. Но все равно – надеюсь, 2024 (или любой другой год, когда вы это читаете), будет к вам благосклонен и принесет немного счастья.

Для меня, надеюсь, он будет удачным. Дело в том, что данный рассказ я пишу, в том числе, как небольшое извинение. Возможно, вы уже заметили, что с «Литреса» пропали почти все номерные части «Архивов Корсакова». А во второй половине января на некоторое время исчезнет и первая часть «Доктора Фалька», «Тайна серого монаха». Дело в том, что в декабре 2023 года я подписал договор с издательством «Эксмо» на издание печатных изданий моих книг. Детская мечта стать публикующимся (читай – настоящим) писателем пока еще не осуществилась, но уже к этому близко. Исчезнувшие книги еще вернутся на «Литрес», но уже под брендом «Эксмо». Когда это произойдет, а также срок появления печатных изданий – пока загадывать рано. Со своей стороны обещаю продолжать публиковать на «Литресе» небольшие истории про Корсакова и Фалька, вроде этой, которые не войдут в печатные версии. Если интересно, как обстоят дела и хочется следить за новостями (а также иллюстрациями, фотографиями из путешествий и историческими деталями, которые иногда остаются за кадром), то подписывайтесь на мои каналы «Старинный детектив» в Telegram или VK.

Что касается истории – за исключением рождественско-новогоднего Петербурга она выдумана на 90%. Оставшиеся 10% – это источник вдохновения. Дело в том, что в Лештуковом переулке действительно стоял флигель самоубийцы, в котором произошло таинственное убийство. Но то дело, во-первых, является одним из самых известных преступлений, раскрытых начальником столичной сысской полиции Филипповым, а во-вторых – неоднократно обыгрывалось в исторических детективах, например – у Антона Чижана. Ну, и в начале XX века в Петербурге регулярно случались трагедии на почве любви, ревности и жадности, а потому описываемый (и исключительно выдуманный) случай вполне вписывается в общую тенденцию.

В очередной раз хочу сказать «спасибо», за то, что читаете «Корсакова» и «Фалька», и (вероятно) дочитали «Новогоднее расследование» до конца. Очень надеюсь, что история вам понравилась и вы захотите почитать еще. А вот это самое «еще» – уже с меня! До новых встреч!